

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь
5 Жизни своей и возврате в отчизну товарищей верных.
Все же при этом не спас он товарищей, как ни старался.
Собственным сами себя святотатством они погубили:
Съели, безумцы, коров Гелиоса Гиперионида.

Дня возвращенья домой навсегда их за это лишил он.
10 Муза! Об этом и нам расскажи, начав с чего хочешь.
Все остальные в то время, избегнув гибели близкой,
Были уж дома, равно и войны избежавши и моря.
Только его, по жене и отчизне болевшего сердцем,
Нимфа-царица Калипсо, богиня в богинях, держала
15 В гроте глубоком, желая, чтоб сделался ей он супругом.
Но протекали года, и уж год наступил, когда было
Сыну Лаэрта богами назначено в дом свой вернуться.
Также, однако, и там, на Итаке, не мог избежать он
Многих трудов, хоть и был меж друзей. Сострадания полны
20 Были все боги к нему. Лишь один Посейдон непрерывно
Гнал Одиссея, покамест своей он земли не достигнул.

Был Посейдон в это время в далекой стране эфиопов,
Крайние части земли на обоих концах населявших:
Где Гиперион заходит и где он поутру восходит.
25 Там принимал он от них гекатомбы быков и баранов,
Там наслаждался он, сидя на пиршестве. Все ж остальные
Боги в чертогах Кронида-отца находились в сборе.

С речью ко всем им родитель мужей и богов обратился;
На сердце, в памяти был у владыки Эгист безукорный,
30 Жизни Агамемнонидом лишенный, преславным Орестом.
Помня о нем, обратился к бессмертным Кронид

со словами:

«Странно, как люди охотно во всем обвиняют бессмертных!
Зло происходит от нас, утверждают они, но не сами ль
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
35 Так и Эгист, — не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял себе в жены, его умертвив при возврате в отчизну?
Гибель грозящую знал он: ему наказали мы строго,
Зоркого аргобийцу Гермеса послав, чтоб не смел он
Ни самого убивать, ни жену его брать себе в жены.
40 Мечь за Атрида придет от Ореста, когда, возмужавши,
Он пожелает вступить во владенье своею строною.
Так говорил ему, блага желая, Гермес; но не смог он
Сердца его убедить. И за это Эгист поплатился».

Зевсу сказала тогда совоокая дева Афина:

45 «О наш родитель Кронид, из властителей всех наивысший!
Правду сказал ты, — вполне заслужил он подобную гибель.
Так да погибнет и всякий, кто дело такое свершил бы!
Но разрывается сердце мое за царя Одиссея:
Терпит, несчастный, он беды, от милых вдали, на объятном
50 Волнами острове, в месте, где пуп обретается моря.
Остров, поросший лесами; на нем обитает богиня,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы бездны
Моря всего и который надзор за столбами имеет:
Между землею и небом стоят они, их раздвигая.
55 Скорбью объятого, держит несчастного дочь Атланта,
Мягкой и вкрадчивой речью все время его обольщая,
Чтобы забыл о своей он Итаке. Но, страстно желая
Видеть хоть дым восходящий родимой земли, помышляет
Только о смерти одной Одиссей. Неужели не тронет
60 Милого сердца тебе, Олимпиец, судьба его злая?
Он ли не чествовал в жертвах тебя на равнине троянской
Близ кораблей аргивян? Так на что же ты, Зевс, негодуешь?»

 Песнь первая

Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:

«Что за слова у тебя из ограда зубов излетели!

65 Как это смог бы забыть о божественном я Одиссее,
Так выдающемся мыслью меж смертных, с такою охотой
Жертвы богам приносящем, владыкам широкого неба?
Но Посейдон-земледержец к нему не имеющим меры
Гневом пылает за то, что циклоп Полифем богоравный
70 Глаза лишен им, — циклоп, чья сила меж прочих циклопов
Самой великой была; родился он от нимфы Фоосы,
Дочери Форкина, стража немолчно шумящего моря,
В связь с Посейдоном-владыкой вступившей в пещере
глубокой.

С этой поры колебатель земли Посейдон Одиссея

75 Не убивает, но прочь отгоняет от милой отчизны.
Что же, подумаем все мы, кто здесь на Олимпе сегодня,
Как бы домой возвратиться ему. Посейдон же отбросит
Гнев свой: не сможет один он со всеми бессмертными
спорить

И против воли всеобщей богов поступать самовластно».

80 Зевсу сказала тогда совоокая дева Афина:

«О наш родитель Кронид, из властителей всех наивысший!

Если угодно теперь всеблаженным богам, чтоб вернуться
Мог Одиссеей многоумный в отчизну, прикажем Гермесу
Аргоубийце, решений твоих исполнителю, к нимфе

85 В косах, красиво сплетенных, на остров Оигию тотчас
Мчаться и ей передать непреклонное наше решение,
Чтобы на родину был возвращен Одиссеей многостойкий.
Я же в Итаку отправлюсь, чтоб там Одиссееву сыну
Бодрости больше внушить и вложить ему мужество в сердце,
90 Чтоб, на собрание длинноволосых ахейцев созвавши,
Всех женихов он изгнал, убивающих в доме без счета
Кучей ходящих овец и рогатых быков тихоходных.
После того я пошлю его в Спарту и Пилос песчаный,
Чтобы разведал о милом отце и его возвращеньи,
95 Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава».
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,

- Амвросиальные, всюду ее с дуновеньями ветра
И над землей беспредельной носившие и над водою.
В руки взяла боевое копье, изостренное медью, —
100 Тяжкое, крепкое; им избивала Афина героев,
Гнев на себя навлекавших богини могучеотцовной.
Ринулась бурно богиня с высоких вершин олимпийских,
Стала в итакской стране у двора Одиссеева дома
Перед порогом ворот, с копьем своим острым в ладони,
105 Образ приняв чужестранца, тафосцев властителя Мента.
Там женихов горделивых застала. Они перед дверью
Душу себе услаждали, с усердием в кости играя,
Сидя на шкурах быков, самими же ими убитых.
В зале же вестники вместе с проворными слугами дома
110 Эти — вино наливали в кратеры, мешая с водою,
Те, — ноздреватою губкой обмывши столы, выдвигали
Их на средину и клали на них в изобилии мясо.
Первым из всех Телемах боговидный заметил богиню.
Сердцем печалуясь милым, он молча сидел с женихами.
115 И представлялось ему, как явился родитель могучий,
Как разогнал бы он всех женихов по домам, захватил бы
Власть свою снова и стал бы владений своих господином.
В мыслях таких, с женихами сидя, он увидел Афину.
Быстро направился к двери, душою стыдясь, что так долго
120 Странник у входа стоять принужден; и, поспешно
приблизясь,
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
Голос повысил и с речью крылатой к нему обратился:
«Радуйся, странник! Войди! Мы тебя угостим, а потом уж,
Пищей насытившись, ты нам расскажешь, чего тебе нужно».
125 Так он сказал и пошел. А за ним и Паллада Афина.
После того как вошли они в дом Одиссеев высокий,
Гостя копье он к высокой колонне понес и поставил
В копьехранилище гладкое, где еще много стояло
Копий других Одиссея, могучего духом в несчастях.
130 После богиню подвел он к прекрасноузорному креслу,
Тканью застлав, усадил, а под ноги придвинул скамейку.

 Песнь первая

Рядом и сам поместился на стуле резном, в отдалении
От женихов, чтобы гость, по соседству с надменными сидя,
Не получил отвращения к еде, отягченный их шумом,
135 Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тотчас прекрасный кувшин золотой с ручной водою
В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой
Для умывания; после расставила стол она гладкий.
Хлеб положила пред ними почтенная ключница, много
140 Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.
Кравчий поставил пред ними на блюдах, подняв их высоко,
Разного мяса и кубки близ них поместил золотые;
Вестник же к ним подходил то и дело, вина подливая.

Шумно вошли со двора женихи горделивые в залу
145 И по порядку расселись на креслах и стульях; с водою
Вестники к ним подошли, и они себе руки умыли.
Доверху хлеба в корзины прислужницы им положили,
Мальчики влили напиток в кратеры до самого края.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
150 После того как желанье питья и еды утолили,
Новым желаньем зажглися сердца женихов: захотелось
Музыки, плясок — услады прекраснейшей всякого пира.
Фемию вестник кифару прекрасную передал в руки:
Пред женихами ему приходилось петь поневоле.

155 Фемий кифару поднял и начал прекрасную песню.
И обратился тогда Телемах к совоокой Афине,
К ней наклонясь головой, чтоб никто посторонний

не слышал:

«Ты не рассердишься, гость дорогой мой, на то, что
скажу я?»

Только одно на уме вот у этих — кифара да песни.
160 Немудрено: расточают они здесь чужие богатства —
Мужа, чьи белые кости, изгнившие где-нибудь, дождик
Мочит на суше иль в море свирепые волны качают.
Если б увидели, что на Итаку он снова вернулся,
Все пожелали бы лучше иметь попроворнее ноги,
165 Чем богатеть, и одежду и золото здесь накопляя.

Злою судьбой он, однако, погублен, и нет никакого
Нам утешенья, хотя кое-кто из людей утверждает:
Он еще будет. Но нет! Уж погиб его день возвращения!
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
170 Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?
И на каком корабле ты приехал, какую дорогой
К нам тебя в гости везли корабельщики? Кто они сами?
Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам ты добрался.
Так же и это скажи откровенно, чтоб знал хорошо я:
175 В первый ли раз ты сюда приезжаешь иль давним отцовским
Гостем ты был? Приезжало немало в минувшие годы
В дом наш гостей, ибо много с людьми мой общался
родитель».

Так отвечала ему совоокая дева Афина:

«Я на вопросы твои с откровенностью полной отвечу:
180 Имя мне — Мент; мой отец — Анхиал многоумный, и этим
Рад я всегда похвалиться; а сам я владыка тафосцев
Веслолюбивых, приехал в своем корабле со своими;
По винно-чермному морю плыву к чужеземцам за медью
В город далекий Темесу, а еду с блестящим железом.
185 Свой же корабль я поставил под склоном лесистым Нейона
В пристани Ретре, далеко от города, около поля.
С гордостью я заявляю, что мы с Одиссеем друг другу
Давние гости. Когда посетишь ты героя Лаэрта,
Можешь об этом спросить старика. Говорят, уж не ходит
190 Больше он в город, но, беды терпя, обитает далеко
В поле со старой служанкой, которая кормит и поит
Старца, когда, по холмам виноградника день пробродивши,
Старые члены свои истомив, возвращается в дом он.
К вам я теперь: говорили, что он уже дома, отец твой.
195 Видно, однако же, боги ему возвратиться мешают.
Но не погиб на земле Одиссей богоравный, поверь мне.
Где-нибудь в море широком, на острове волнообъятом,
Он задержался живой и томится под властью свирепых,
Диких людей и не может уйти, как ни рвется душою.
200 Но предсказать я берусь — и какое об этом имеют

 Песнь первая

Мнение боги и как, полагаю я, все совершится,
Хоть я совсем не пророк и по птицам гадать не умею.
Будет недолго еще он с отчизною милой в разлуке,
Если бы даже его хоть железные цепи держали.

- 205 В хитростях опытен он и придумает, как воротиться.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе пред собой Одиссеева сына?
Страшно ты с ним головой и глазами прекрасными сходен.
Часто в минувшее время встречались мы с ним до того, как
210 В Трою походом отправился он, куда и другие
Лучшие из аргивян на судах крутобоких поплыли.
После ж ни я с Одиссеем, ни он не встречался со мною».

Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Я на вопрос твой, о гость наш, отвечу вполне

откровенно:

- 215 Мать говорит, что я сын Одиссея, но сам я не знаю.
Может ли кто-нибудь знать, от какого отца он родился?
Счастлив я был бы, когда бы родителем мне приходился
Муж, во владеньях своих до старости мирно доживший.
Но — между всеми людьми земнородными самый
несчастный —

- 220 Он мне отец, раз уж это узнать от меня пожелал ты».

Снова сказала ему совоокая дева Афина:

«Видно, угодно бессмертным, чтоб не был без славы
в грядущем

Род твой, когда вот такого, как ты, родила Пенелопа.

Ты ж мне теперь Расскажи, ничего от меня не скрывая:

- 225 Что за обед здесь? Какое собранье? Зачем тебе это?
Свадьба ли здесь или пир? Ведь не в складчину ж он
происходит.

Кажется только, что гости твои необузданно в доме
Вашем бесчинствуют. Стыд бы почувствовал всякий разумный
Муж, заглянувший сюда, поведенье их гнусное видя».

- 230 Снова тогда Телемах рассудительный гостю ответил:

«Раз ты, о гость мой, спросил и узнать пожелал,
то узнай же:

- Некогда полон богатства был дом этот, был уважаем
Всеми в то время, когда еще здесь тот муж находился.
Нынче ж иное решенье враждебные приняли боги,
235 Сделав его между всеми мужами невидимым глазу.
Менее стал бы о нем сокрушаться я, если б он умер,
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он
Или, окончив войну, на руках у друзей бы скончался.
Был бы насыпан над ним всеахейцами холм погребальный,
240 Сыну б великую славу на все времена он оставил.
Ныне же Гарпии взяли бесславно его, и ушел он,
Всеми забытый, безвестный, и сыну оставил на долю
Только печаль и рыдания. Но я не об нем лишь едином
Плачу; другое мне горе жестокое боги послали:
245 Первые люди по власти, что здесь острова населяют
Зам, и Дулихий, и Закиф, покрытый густыми лесами,
И каменистую нашу Итаку, — стремятся упорно
Мать принудить мою к браку и грабят имущество наше.
Мать же и в брак ненавистный не хочет вступить и не может
250 Их притязаньям конец положить, а они разоряют
Дом мой пирами и скоро меня самого уничтожат».
- В негодованьи ему отвечала Паллада Афина:
«Горе! Я вижу теперь, как тебе Одиссей отдаленный
Нужен, чтоб руки свои наложил на бесстыдных пришельцев.
255 Если б теперь, воротившись, он встал перед дверью домовой
С парюю копий в руке, со щитом своим крепким
и в шлеме, —
Как я впервые увидел героя в то время, когда он
В доме у нас на пиру веселился, за чашею сидя,
К нам из Эфиры прибывши от Ила, Мермерова сына:
260 Также и там побывал Одиссей на судне своем быстром;
Яда, смертельного людям, искал он, чтоб мог им намазать
Медные стрелы свои. Однако же Ил отказался
Дать ему яду: стыдился душою богов он бессмертных.
Мой же отец ему дал, потому что любил его страшно.
265 Пред женихами когда бы в таком появился он виде,
Короткожизненны стали б они и весьма горькобразны!

 Песнь первая

Это, однако же, в лоне богов всемогущих сокрыто, —
Он за себя отомстит ли иль нет, возвратившись обратно
В дом свой родной. А теперь я тебе предложил бы подумать,
²⁷⁰ Как поступить, чтобы всех женихов удалить из чертога.
Слушай меня и к тому, что скажу, отнесись со вниманьем:
Завтра, граждан ахейских созвав на собрание, открыто
Все расскажи им, и боги тебе пусть свидетели будут.
После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлись;
²⁷⁵ Мать же твоя, если дух ее снова замужества хочет,
Пусть возвратится к отцу многосильному, в дом свой
родимый;
Пусть снаряжает он свадьбу, приданое давши большое,
Сколько его получить полагается дочери милой.
Что ж до тебя, — мой разумный совет ты, быть может,
исполнишь:
²⁸⁰ Лучший корабль с двадцатью снарядивши гребцами,
отправься
И об отце поразведай исчезнувшем; верно, из смертных
Кто-либо сможет о нем сообщить иль Молва тебе скажет
Зевсова — больше всего она людям известий приносит.
В Пилосе раньше узнаешь, что скажет божественный Нестор,
²⁸⁵ К русому после того Менелаю отправишься в Спарту;
Прибыл домой он последним из всех меднолатных ахейцев.
Если услышишь, что жив твой отец, что домой он вернется,
Год дождайся его, терпеливо снося притеснения;
Если ж услышишь, что мертв он, что нет его больше
на свете,
²⁹⁰ То, возвратившись обратно в отцовскую милую землю,
В честь его холм ты насыплешь могильный, как следует
справишь
Чин похоронный по нем и в замужество мать свою выдашь.
После того как ты все это сделаешь, все это кончишь,
В сердце своем и в уме хорошенько обдумай, какими
²⁹⁵ Средствами всех женихов в чертогах твоих изничтожить,
Хитростью или открыто. Ребятскими жить пустяками
Время прошло для тебя, не таков уже ныне твой возраст.

- Иль неизвестно тебе, что с божественным было Орестом,
Славу какую он добыл, расправясь с коварным Эгистом,
300 Отцеубийцей, отца его славного жизни лишившим?
Вижу я, друг дорогой мой, что ты и велик и прекрасен,
Ты не слабее его, ты в потомстве прославишься также;
Но уж давно мне пора возвратиться на быстрый корабль мой:
Спутники ждут и наверно в душе возмущаются мною.
305 Ты ж о себе позаботься и то, что сказал я, обдумай.
Снова тогда Телемах рассудительный гостю ответил:
«Право же, гость мой, со мной говоришь ты с такою
любовью,
Словно отец; никогда я твоих не забуду советов.
Но подожди, хоть и очень, как вижу, в дорогу спешишь ты.
310 Вымойся раньше у нас, услади себе милое сердце.
С радостным духом потом унесешь на корабль ты подарок
Ценный, прекрасный, который тебе поднесу я на память,
Как меж гостей и хозяев бывает, приятных друг другу».
Так отвечала ему совоокая дева Афина:
315 «Нет, не задерживай нынче меня, тороплюсь я в дорогу.
Дар же, что милое сердце тебя побуждает вручить мне,
Я, возвращаясь обратно, приму и домой с ним уеду,
Дар получив дорогой и таким же тебя отдаривши».
Молвила и отошла совоокая дева Афина,
320 Как быстрокрылая птица, порхнула в окно. Охватила
Сила его и отвага. И больше еще он, чем прежде,
Вспомнил отца дорогого. И, в сердце своем поразмыслив,
В трепет душою пришел, познав, что беседовал с богом.
Тотчас назад к женихам направился муж богоравный.
325 Пел перед ними певец знаменитый, они же сидели,
Слушая молча. Он пел о возврате печальном из Трои
Рати ахейцев, ниспосланном им Палладой Афиной.
В верхнем покое своем вдохновенное слышала пенью
Старца Икария дочь, Пенелопа разумная. Тотчас
330 Сверху спустилась она высокою лестницей дома,
Но не одна; с ней вместе спустились и двое служанок.
В залу войдя к женихам, Пенелопа, богиня среди женщин,

 Песнь первая

Стала вблизи косяка ведущей в столовую двери,
Щеки закрывши себе покрывалом блестящим, а рядом
335 С нею, с обеих сторон, усердные стали служанки.
Плача, певцу вдохновенному так Пенелопа сказала:
«Фемий, ты знаешь так много других восхищающих душу
Песен, какими певцы восславляют богов и героев.
Спой же из них, пред собранием сидя, одну. И в молчаньи
340 Гости ей будут внимать за вином. Но прерви начатую
Песню печальную; скорбью она наполняет в груди мне
Милое сердце. На долю мне выпало злейшее горе.
Мужа такого лишась, не могу я забыть о погибшем,
Столь преисполнившем славою своей и Элладу и Аргос».
345 Матери так возразил рассудительный сын Одиссеев:
«Мать моя, что ты мешаешь певцу в удовольствие наше
То воспевать, чем в душе он горит? Не певец в том
виновен, —
Зевс тут виновен, который трудящимся тягостно людям
Каждому в душу влагает, что хочет. Нельзя раздражаться,
350 Раз воспевать пожелал он удел злополучный данайцев.
Больше всего восхищаются люди обычно такую
Песню, которая им представляется самою новой.
Дух и сердце себе укроти и заставь себя слушать.
Не одному Одиссею домой не пришлось воротиться,
355 Множество также других не вернулось домой из-под Трои.
Лучше вернись-ка к себе и займись своими делами —
Пряжей, тканьем; прикажи, чтоб служанки немедля за дело
Также взялись. Говорить же — не женское дело, а дело
Мужа, всех больше — мое; у себя я один повелитель».
360 Так он сказал. Изумившись, обратно пошла Пенелопа.
Сына разумное слово глубоко ей в душу проникло.
Наверх поднявшись к себе со служанками, плакала долго
Об Одиссее она, о супруге любимом, покуда
Сладостным сном не покрыла ей веки богиня Афина.
365 А женихи в это время шумели в тенистом чертоге;
Сильно им всем захотелось на ложе возлечь с Пенелопой.
С речью такой Телемах рассудительный к ним обратился:

- «О женихи Пенелопы, надменные, гордые люди!
Будем теперь пировать, наслаждаться. Шуметь перестаньте!
370 Так ведь приятно и сладко внимать песнопениям прекрасным
Мужа такого, как этот, — по пению равного богу!
Завтра же утром сойдемся на площадь, откроем собрание,
Там я открыто пред целым народом скажу, чтобы тотчас
Дом мой очистили вы. А с пирами устройтесь иначе:
375 Средства свои проедайте на них, чередуясь домами.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и лучше
У одного человека богатство губить безвозмездно, —
Жрите! А я воззову за поддержкой к богам вечносущим.
Может быть, делу возмездия даст совершиться Кронион:
380 Все вы погибнете здесь же, и пени за это не будет!»
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым словам удивлялись, которые вдруг услышали.
Тотчас к нему Антиной обратился, рожденный Евпейтом:
«Сами, наверное, боги тебя, Телемах, обучают
385 Так беззастенчиво хвастать и так разговаривать нагло.
Зевс нас избави, чтоб стал ты в объятай волнами Итаке
Нашим царем, по рождению уж право имея на это!»
И, возражая ему, Телемах рассудительный молвил:
«Ты на меня не сердись, Антиной, но скажу тебе вот что:
390 Если бы это мне Зевс даровал, я конечно бы принял.
Или, по-твоему, нет ничего уже хуже, чем это?
Царствовать — дело совсем не плохое; скопляются скоро
В доме царевом богатства, и сам он в чести у народа.
Но между знатных ахейцев в объятай волнами Итаке
395 Множество есть и других, молодых или старых, которым
Власть бы могла перейти, раз царя Одиссея не стало.
Но у себя я один останусь хозяином дома,
Как и рабов, для меня Одиссеем царем приведенных!»
Начал тогда говорить Евримах, рожденный Полибом:
400 «О Телемах, это в лоне богов всемогущих сокрыто,
Кто из ахейцев царем на Итаке окажется нашей.
Все же, что здесь, то твое, и в дому своем сам ты хозяин.
Вряд ли найдется, пока обитаема будет Итака,

 Песнь первая

Кто-нибудь, кто бы дерзнул на твое посягнуть достоянье.

- 405 Но я желал бы узнать, мой милейший, о нынешнем госте:
Кто этот гость и откуда? Отчеством землю какую
Славит? Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о возврате отца твоего он явился
Или по собственной нужде приехал сюда, на Итаку?
410 Сразу исчезнув, не ждал он, чтоб здесь познакомиться
с нами.

На худородного он человека лицом не походит».

И, отвечая ему, Телемах рассудительный молвил:

«На возвращенье отца, Евримах, я надежд не имею.

Я ни вестям уж не верю, откуда-нибудь приходящим,

- 415 Ни прорицаньям внимать не желаю, к которым, сзывая
Разных гадателей в дом, без конца моя мать прибегает.
Путник же этот мне гость по отцу, он из Тафоса родом,
Мент, называет себя Энхиала разумного сыном
С гордостью, сам же владыка он веслолюбивых тафосцев».

- 420 Так говорил Телемах, хоть и знал, что беседовал с богом.

Те же, занявшись опять усладительным пеньем и пляской,
Тешились ими и ждали, покамест приблизится вечер.

Тешились так, веселились. И вечер надвинулся черный.

Встали тогда и пошли по домам, чтоб покою предаться.

- 425 Сын же царя Одиссея прекрасным двором в свой высокий
Двинулся спальный покой, кругом хорошо защищенный.

Думая в сердце о многом, туда он для сна отправлялся.

С факелом в каждой руке впереди его шла Еврикля,

Дочь домовитая Опа, рожденного от Пенсенора.

- 430 Куплей когда-то Лаэрт достояньем своим ее сделал
Юным подросточком, двадцать быков за нее заплативши,
И наравне с домовитой женой почитал ее в доме,
Но, чтоб жену не гневить, постели своей не делил с ней.
Шла она с факелом в каждой руке. Из невольниц любила
435 Всех она больше его и с детства его воспитала.
Двери открыл Телемах у искусно построенной спальни,
Сел на постель и, мягкий хитон через голову снявши,
Этот хитон свой старухе услужливой на руки кинул.

Та встряхнула хитон, по складкам искусно сложила
440 И на колок близ точеной постели повесила. После
Вышла старуха тихонько из спальни, серебряной ручкой
Дверь за собой притворила, засов ремнем притянувши.
Ночь напролет на постели, покрывшись овчиною мягкой,
Он размышлял о дороге, в которую зван был Афиной.